

ДОНЪ И ЕГО КОНЕВОДСТВО. (*)

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

I.

Отъ Петербурга до Новочеркасска 1,740 верстъ, по почтовому дорожнику. Желѣзныя дороги и пароходство по Волгѣ немало сокращаютъ это разстояніе во времени. Самый дальній, но зато самый живописный путь по Волгѣ и по Дону. Изъ Нижняго-Новгорода пассажирскіе пароходы идутъ внизъ по Волгѣ пять дней до Царицына. Отсюда съ Волги на Донъ до сел. Калачъ всего 73 версты; перевѣздъ совершается по желѣзной дорогѣ. Сообщеніемъ торговаго пути волжскаго съ донскимъ теперь только осуществилась любимая мечта Петра Великаго о соединеніи Каспійскаго моря съ Чернымъ (посредствомъ русла рѣки Маныча). Два года тому назадъ открыто движеніе по волжско-донской желѣзной дорогѣ, построенной предприимчивостію извѣстнаго нашего капиталиста-патріота В. А. Кокорева и К^о.

Въ три часа пополудни іюньскаго жаркаго дня пароходъ „Царица“ присталъ (***) къ правому берегу у города Царицына; въ шесть часовъ тронулся поѣздъ желѣзной дороги. Перевѣздъ до Калача хотя недалній, всего два съ половиной часа, но для русскаго путешественника, менѣе чѣмъ американцы привыкшаго мчаться на паровогахъ черезъ степныя пространства, совершенно новъ въ своемъ родѣ. До половины первой станціи встрѣчаются еще распаханныя мѣста и сѣнокосы съ безчисленными копнами сѣна, свидѣтельствующіе о близости селеній.

(*) При семъ карта задонской степи и два рисунка.

(**) Волжской компаніи пароходы: „Царь“, „Царица“, „Царевичъ“ и „Царевна“, отличаются исправностію своихъ рейсовъ и наилучшими удобствами для пассажировъ.

Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этихъ степныхъ оазовъ, вы переѣзжаете и границу Земли Войска Донскаго, того самаго края, гдѣ нѣкогда „войсковой кругъ“ (вѣче) строго воспрещалъ всякія попытки къ земледѣлію, какъ ущербъ скотоводству, и гдѣ лишь мощная рука царя-хозяина, Петра Великаго, могла основать первые начатки мирныхъ занятій: земледѣлія, винодѣлія, добыванія соли и каменнаго угля. Мѣстность вокругъ все болѣе и болѣе становится дикою и замѣтно идетъ въ гору; такъ и чувствуется, что скоро предстоитъ перевалъ черезъ холмистый хребетъ, составляющій здѣсь водораздѣлъ между долинами Волги и Дона. Повсюду степная растительность, небольшія, тонкія, но шелковистыя и ароматныя травы, иногда кусты бурьяна или колючки, но нигдѣ ни деревца, ни ручейка, не только рѣчки. Степь возвышается надъ моремъ, полагають, около 350 футовъ. На двухъ или трехъ изъ промежуточныхъ лѣтнихъ (зимою нѣтъ ѣзды) станцій и полустанцій, въ видѣ карточныхъ домиковъ или нашихъ дачъ на Крестовскомъ и другихъ островахъ, вовсе нѣтъ воды: попытки рытья колодезевъ налицо, но онѣ и остались лишь попытками, а вода на станціи доставляется въ бочкахъ, посредствомъ того же самаго рельсоваго пути. Отъ степнаго перевала, внизъ къ Дону, путь уже склоняется постепенно, что и ощутительно по скорости хода поѣзда. Тутъ оставляется въ сторонѣ порядочная роща и за ней живописная усадьба, или по здѣшнему поселокъ, графа Орлова-Денисова, станція Пятиизбянская и нѣсколько тамъ и сямъ разбросанныхъ хуторовъ.

Поѣздъ, подобно тройкѣ почтовой, всегда на второй половинѣ станціи прибавляющей хода, также, будто оживляясь, идетъ видимо скорѣе, и тѣмъ съ болѣе торопливымъ любопытствомъ вперяется взоръ туриста въ непривычную ему даль донской степи, и неотразимо мелькаетъ въ памяти его даль времени давно прошедшихъ при мысли, черезъ какія мѣста мчитъ его теперь паровозъ. Когда-то жили здѣсь и воевали сарматы, современники и соперники скиѳовъ, гунны, печенѣги, половцы, татары, угры, авары; потомъ хозяйничали здѣсь монголы, оставившіе по себѣ наслѣдниками калмыковъ, и доселѣ еще кочующихъ по сосѣдству, въ Астраханской и Ставропольской губерніяхъ, до предгорій Кавказа. Третью протяженія желѣзной дороги пересѣкаетъ и теперь степное кочевье колмыковъ малодербетевскаго улуса. Эти природные наѣзники не совсѣмъ

пріятно были поражены видомъ первыхъ поѣздовъ по чугуниѣ, двигавшихся безъ лошадей. Непривѣтливо встрѣтили монгольскіе дикари европейскій прогрессъ на своей землѣ. Грѣхъ—говорили они—ѣздить безъ лошадей, и, желая доказать, что такимъ способомъ далеко не уѣдешь, они являлись цѣлыми ватагами, на своихъ степныхъ скакунахъ, обскакивать медленно ходившіе вначалѣ (вѣроятно, съ матеріалами) поѣзды. Машинисты ихъ поддразнивали и навремя давали себѣ обскакивать, но потомъ, постепенно, прибавляли ходу и оставляли не одного изъ непобѣдимыхъ скакуновъ позади. Можно судить о негодованіи хозяевъ степей! Рассказываютъ, что одинъ машинистъ, при подобномъ состязаніи, не ограничился тѣмъ, что обгонялъ всадниковъ, но, промчавшись впередъ, оглянулся еще и сдѣлалъ рукою какой-то очень непочтительный знакъ.

Вагоны всѣхъ трехъ классовъ хороши, не уступаютъ царско-сельскимъ, но цѣны перещеголяли: въ пассажирскихъ поѣздахъ, отправляющихся по два раза въ недѣлю, онѣ по классамъ слѣдующія: 2 р. 19 к., 1 р. 64 к. и 91 к., а на товаро-пассажирскихъ — ежедневныхъ: 1 р. 97 к., 1 р. 48 к. и 82 к.; багажъ съ пуда: на первыхъ 30 коп., на тяжело-пассажирскихъ 15 к.

Было около девяти часовъ вечера, когда поѣздъ остановился на станціи въ Калачовскомъ затонѣ (заливѣ). Станція на самомъ берегу, такъ что съ галереи ведутъ внизъ, къ пристани, полсотни ступеней. Цѣны мѣстамъ до Ростова, относительно, почти въ полтора раза дороже, чѣмъ на волжскихъ пароходахъ. Разстояніе всего около 400 верстъ. Плата за мѣста: I-й классъ 17 р., II-й 12 р. 75 к., III-й 7 р.; багажъ 70 к. съ пуда. Услужливые, босоногіе татары, за ничтожную плату, подобно муравьямъ засуетились надъ перетаскиваніемъ пассажирскихъ тюковъ и чемодановъ на пароходъ „Атаманъ“ (одинъ изъ двухъ совершающихъ рейсы по Дону выше Ростова), гдѣ на палубѣ въ то же время взвѣшивался багажъ и продавались билеты. Вскорѣ все притихло, пришло въ порядокъ; всѣ улеглись спать. На разсвѣтъ многочисленные пассажиры разбужены были неизбежнымъ стукомъ и вознею на палубѣ; дымъ клубился; пары ревели и, казалось, каждую минуту готовы были вырваться и уничтожить все окружающее въ прахъ. Въ пятомъ часу отвалили, вышли изъ затона (залива), и началось плаваніе внизъ по „Тихому Дону“, по дѣдушкѣ „Дону-Иванычу“,

какъ называютъ его казаки и какъ говорится на нашемъ сказочномъ языкѣ. Съ этой минуты дѣль поѣздки казалась уже близкою дѣйствительностію.

Вотъ по берегамъ, на пути, смѣняются одна другою станицы: Пятизбянская, Верхне-Чирская, Есауловская, Верхне-Курмоярская, Нагавская, Цымлянская, Кумшацкая, Романовская, Константиновская—Барская тожь, Семикаракорская, Раздорская (самая древняя), Богаевская, наконецъ Аксайская, откуда сухопутное сообщеніе (нынѣ желѣзная дорога) въ Новочеркасскъ. Не только въ донской, но и во всѣхъ вообще казачьихъ земляхъ, *станциями* называются собственно казачьи села и уѣздные города или, по мѣстному названію, окружные (*): не подвожу подъ это названіе деревень (отличающихся отъ селъ тѣмъ, что не имѣютъ церквей и не составляютъ прихода), такъ какъ онѣ образуютъ *хутора*. Каждой изъ 108 донскихъ станицъ принадлежитъ общественная земля въ видѣ надѣла по 30 десятинъ на душу: это такъ называемый *юртъ*. По мѣрѣ распространенія земледѣлія на Дону, владѣльцы отдаленныхъ отъ станицъ участковъ учредили особые выселки или *хутора*, и теперь къ каждой станицѣ и ея приходу принадлежитъ десятокъ и болѣе хуторовъ.

Не ново замѣчаніе относительно дѣль человѣческихъ, что съ усвоеніемъ себѣ одежды какого-нибудь народа усвоиваются и нравы его. Также точно и наружность хуторовъ: по исключительному назначенію служить для земледѣлія, хутора отличаются отъ станицъ тѣмъ, что имѣютъ болѣе отгѣнокъ сельскохозяйственный и обставлены чаще всего малороссійскими мазанками съ соломенными или камышевыми крышами, тогда какъ въ станицахъ преобладаетъ смѣсь азійскаго и европейскаго городскаго устройства, улицы довольно широкія, дома частію каменные, частію деревянные, одноэтажные и двухэтажные, съ желтыми, т. е. „натертыми глинкою“ стѣнами, тесовыми крышами и крашеными ставнями. Второй этажъ почти всегда окруженъ балконами или галереями съ одной, съ двухъ или со всѣхъ сторонъ; подъ окнами нижняго этажа, довольно высоко отъ земли поставленными, также всегда проведенъ деревянный

(*) Въ отношеніи гражданскаго управленія, Земля Войска Донскаго дѣлится на семь округовъ: Черкасскій, 1-й и 2-й Донскіе, Усть-Медвѣдицкій, Хоперскій, Донецкій и Міусскій. Въ отношеніи управленія военнаго, округовъ четыре: I, II, III и IV-й.

приступокъ въ одну или въ двѣ доски шириною, явно не для того, чтобы сидѣть на немъ какъ бы на извѣстной завалинкѣ избѣ, а для того, чтобы ходить для запиранія и открыванія ставней. У казаковъ есть хорошій обычай кухню на лѣтнее время помѣщать отдѣльно, гдѣ-нибудь въ землянкѣ или мазанкѣ, имѣющей видъ деревенской кузницы и называемой печью.

Наружный видъ казачьихъ станицъ вообще очень опрятенъ и не безъ пріятности. Внутренность жилья, даже простаго казака, также опрятна и всегда обличаетъ въ хозяйствѣ человека, побывавшаго вездѣ, отъ Петербурга и Варшавы и до персидской границы. Это діаметральная противоположность русскому крестьянину, который, напротивъ, держится, какъ извѣстно, правила: „некрасна изба углами, а красна пирогами“. Да, здѣсь, на Дону, нѣтъ уже такого раздолья солдату на стоянкѣ, какъ, на примѣръ, въ Малороссіи, а попадаи въ домъ къ старовѣру—ихъ здѣсь очень много—такъ за табакъ или за собаку что ни часъ, то одна-двѣ исторіи. Покоя не дадутъ.

Чѣмъ дальше спускаетесь вы по Дону, тѣмъ болѣе глазамъ вашимъ представляется военный обликъ страны, а до слуха доходятъ новыя названія лицъ и должностей, на примѣръ: *сыскной начальникъ* (уѣздный исправникъ), *засѣдатель* (становой приставъ), *дворянскій депутатъ* (предводитель дворянства), *старшій членъ* (войсковаго правленія, родъ губернатора гражданскаго), *дьякъ* (секретарь) и проч. Встрѣчаете вы все чаще и чаще людей въ казачьихъ синихъ чекменахъ съ эполетами и безъ эполетъ (служба гражданская) и въ шароварахъ съ красными лампасами. На пристаняхъ, гдѣ останавливается пароходъ, вы то и дѣло видите на рукахъ у торговкохъ съѣстные припасы, ребятишекъ въ синихъ круглыхъ фуражкахъ съ краснымъ околышемъ; а вотъ и старикъ съ сѣдою бородою, атлетическаго сложенія, можетъ быть одинъ изъ тѣхъ, которые были въ Парижѣ въ 1814 году, вышелъ, въ халатъ и въ форменныхъ шароварахъ, посмотрѣтъ на проѣзжающихъ: не встрѣтитъ ли кого изъ старыхъ московскихъ знакомыхъ... На пароходъ садятся, прощаясь съ семьею, два „чиновника“ — такъ называютъ на Дону всякаго офицера — одинъ въ форменномъ военномъ пальто съ погонами и въ круглой бѣлой фуражкѣ, другой въ бѣломъ кителѣ и въ синей круглой фуражкѣ (кромѣ Новочеркаска, на Дону почти нигдѣ не видно кепи новой формы), и оба съ красными лампасами.

Идетъ пароходъ дальше. Вотъ новая станица, однако на низменной пристани не выставлено сигнала, и пароходъ не останавливается; но по прибрежнымъ улицамъ видѣнъ прохожій людъ, вообще и въ частности чѣмъ-нибудь да напоминающій собою о соотношеніи къ военному ремеслу.

Пароходство по Дону совершается въ первую половину лѣта почти всегда благополучно, если не считать одного или двухъ толчковъ гдѣ-нибудь о гряду или перекасть; но во второй половинѣ лѣта пароходы сидятъ—таки на мельяхъ, по нѣскольку часовъ. Въ это время пароходный рейсъ раздѣляется уже на двѣ части: меньшіе пароходы спускаются только до станицы Цымлянской и тамъ сдаютъ пассажировъ на большіе, идущіе до Ростова. Во время путешествія покойнаго наследника цесаревича (1863 г.), допцы не разъ на плечахъ своихъ снимали съ мелей пароходъ своего атамана. Устройство, какюты и буфеты на донскихъ пароходахъ недурны. Цѣны за обѣды и закуски обыкновенны и не такъ высоки, какъ за проѣздъ. Сервировка стола не отборная; преобладающіе же за столомъ гости, ростовскіе и таганрогскіе купцы, отличаются болѣе широтою, нежели изяществомъ своихъ потребностей: когда требуютъ, напримѣръ, шампанскаго, то является иногда неизвѣстный напитокъ, и на сдѣланное замѣчаніе слуга говоритъ: „ахъ, виноватъ, ошиблись: это ростовское-съ“, и затѣмъ приноситъ уже другую бутылку, внутреннее содержаніе которой имѣетъ нѣсколько болѣе общаго съ шампанскимъ, чѣмъ наружный видъ стекла и пробка. Впрочемъ, и на одномъ хорошемъ волжскомъ пароходѣ случилось намъ испытать вотъ что: вмѣсто „дупеля“ (допельшнепъ) намъ подали утку-нырка съ искусственно-присаженною долгоносою головкою дупеля.

Немного не доѣзжая Ростова (25 верстъ), лежитъ *Аксайская* станица. Отправляющіеся въ Новочеркасскъ здѣсь оставляютъ пароходъ и пересаживаются прямо на желѣзную дорогу. Любопытство взглянуть на Ростовъ, который по своей торговлѣ на донскомъ бассейпѣ для Россіи то же, что Нижній-Новгородъ на волжскомъ—это узелъ сношеній съ юго-востокомъ, какъ Нижній съ сѣверо-востокомъ—любопытство, говорю, видѣть самобытно-образовавшійся и своеобразный городъ побудило меня проѣхать водою лишнюю станцію, съ тѣмъ, чтобы на другой день возвратиться въ Аксай. Ростовъ и Нахичевань два сосѣдніе торговые города (между ними пять верстъ)—последній армян-

скій Манчестеръ, а первый вполне космополитическій — расположились амфитеатромъ на правой или нагорной сторонѣ Дона, по скатамъ высокаго и крутаго берега. Нахичевань славится на югъ своими серебряными вещами подъ чернью, съдельными уборами и кожевными издѣліями. Ростовъ-на-Дону извѣстенъ обширностію и разнообразіемъ своей торговли, ярмарками и пестротою населенія, хорошо обрисованнаго въ романѣ г. Савронскаго: „Бѣглые въ Новороссіи“. Въ Ростовѣ много строеній деревянныхъ и въ особенности каменныхъ. Улицы и гостиницы его не отличаются опрятностію, вѣроятно по сосѣдству съ Азіей; но за то вновь разводимый общественный садъ съ воксаломъ, гдѣ по вечерамъ, при звукахъ городского оркестра, можно видѣть все огромное и разнородное общество города, садъ этотъ очень хорошъ, а расположенный при входѣ въ него, амфитеатромъ, по склону горы, партеръ цвѣтовъ прелестенъ.

Въ городѣ есть постоянный театръ съ италіанской оперой. Опера, конечно, въ ярмарочномъ родѣ, но существованіе ея въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ и покровительство ей городскихъ джентльменовъ уже довольно ясно выражаютъ потребность европейской жизни.

Ростовъ важное торговое мѣсто на Дону, мѣсто мѣны громаднаго множества лѣсныхъ, желѣзныхъ и другихъ товаровъ, идущихъ по Дону изъ его притоковъ и съ Волги, также проходящихъ черезъ Черное море и Таганрогъ, а отчасти и съ Кавказа. Ростовскія ярмарки, особенно 8-го сентября, замѣчательны по количеству продаваемаго на нихъ скота и лошадей. Лошадей пригоняютъ изъ задонскихъ и калмыцкихъ степей, изъ Черноморіи и изъ-за Кубани, табунами, и здѣсь любопытный путешественникъ, не вдаваясь въ даль пустыни, можетъ видѣть, въ это время, представленіе въ маломъ видѣ—разловку неуковъ арканомъ, сцены, которыми въ большемъ видѣ, на просторѣ, изобилуютъ по сіе время наши манычскія и черноморскія степи.

На другой день по приѣздѣ нашемъ въ Ростовъ, въ шесть часовъ утра, отправился пароходъ вверхъ по Дону и высадилъ насъ въ Аксайской станицѣ. Рейсы пароходовъ рассчитаны такъ, что приходы и отходы совпадаютъ съ отправленіемъ поѣздовъ по желѣзной дорогѣ, и потому вскорѣ мы катились въ Новочеркасскъ уже по рельсамъ грушевской желѣзной дороги,

открытой съ 1864 года, до каменноугольныхъ копей (антрацитъ). Начинается она отъ Грушевскаго посада и идетъ на Новочеркасскъ (35 верстъ), а оттуда до ст. Аксайской (25 верстъ). Въ другую сторону отъ Грушевки проведены подходы къ шахтамъ: одинъ на шесть верстъ, къ балкѣ Аткютѣ, другой въ четыре версты, къ р. Грушевкѣ. Устройство дороги очень хорошее. Вагоны перваго класса не оставляютъ желать ничего лучшаго въ своемъ родѣ; они легки, изящны и комфортабельны для пассажировъ: вдоль всего вагона есть общій проходъ, однако каждое отдѣленіе отдѣлено дверью, и на каждой половинѣ подобнаго отдѣла, передъ каждыми четырьмя мѣстами, есть даже столикъ для газетъ, картъ и т. п. Оригиналенъ истинно-военный или войсковой характеръ управленія дороги и ея прислуги: кондукторы все казаки, въ щеголеватой казачьей армейской формѣ; оберъ-кондукторы—казачьи урядники; кассиры, начальники станцій—военные казачьи офицеры; одинъ только начальникъ желѣзной дороги не казакъ, а инженерный офицеръ путей сообщенія. До Новочеркасска дорога пролегаетъ вдоль низменности („логомъ“) по теченію рѣчки Аксаа, ограничиваемой слѣва, или съ запада, крутымъ уступомъ, которымъ оканчивается съ этой стороны возвышенная степь донской земли, по правую сторону Дона. Крутость уступа покрыта прекрасною, южною растительностью, садами и виноградниками, принадлежащими донскимъ дворянамъ, которыхъ и усадебъ, красивыхъ, но по большей части пустыя, стоятъ цѣлыми рядами, въ близкомъ сосѣдствѣ одна отъ другой. Самая роскошная и богатая изъ нихъ, *Мишкино*, верстахъ въ четырехъ не доѣзжая Черкасска, принадлежала знаменитому атаману графу М. И. Платову, а теперь ею владѣетъ его внучка, княгиня Голицына.

Въ Новочеркасскѣ, у подошвы горы, на которой раскинутъ городъ, прекрасно-устроенный вокзалъ желѣзной дороги, свѣтлый, просторный, опрятный и съ тою же военной, казачьей обстановкой. Отъ воксала всегда къ услугамъ пріѣзжающихъ извозчики въ пролеткахъ, на парѣ лошадей; но что поразительно дешево, это ломовые извозчики съ ихъ роспусками (дрогами) для перевозки вещей: за конецъ, съ крутымъ подъемомъ въ гору, они берутъ отъ 15 до 20 коп. сер.—не по-петербургски, хотя жизнь въ Черкасскѣ вообще дорога. Есть еще особаго рода экипажъ на Дону, въ Ростовѣ и въ Черкасскѣ: онъ

извощичій, а въ станицахъ домашній. Это такъ называемыя *дрочи* или *бандюкы*, т. е. облегченныя русскія роспуски или тарантасный ходъ безъ кузова; на срединѣ грядоѣ перекидывается коверъ, и ѣдущіе садятся бокомъ, какъ на линейкѣ, но только безъ спинки и безъ подножекъ... Патріархально, но не очень красиво и удобно.

Было десять часовъ утра, когда, поднявшись по крутому спуску, мы вѣхали въ городъ. Новочеркасскъ построенъ на обширной плоской возвышенности отдѣльнаго холма, и потому имѣетъ совершенно нагорное положеніе, т. е. открытъ всѣмъ вѣтрамъ, и холоднымъ, и жаркимъ, подверженъ солнцепеку и лишенъ воды. Жаркое іюньское утро походило на полдень. Повсюду, въ каменныхъ и въ деревянныхъ домахъ и домикахъ, окруженныхъ и не окруженныхъ палисадниками и сѣнью сиреней, акаціи и божьего дерева, ставни и жалюзи были закрыты. На улицахъ почти ни души, кромѣ рабочихъ кое-гдѣ на мостовой, или мѣрно въ ногу проходящей, отъ платовскаго монумента по проспекту того же имени, смѣны часовыхъ съ ефрейторомъ, сабли въ плечѣ, ружья за спиною, молодыхъ казаковъ учебнаго казачьяго полка, отбывающихъ здѣсь гарнизонную службу. Гостиниць первоклассныхъ (все на свѣтѣ относительно) въ городѣ двѣ: Донская и Итальянская; изъ нихъ лучше первая—урядника Касьянова. Въ это время свободныхъ номеровъ въ ней было много. Намъ достался (за 2 руб. въ сутки) номеръ изъ двухъ большихъ комнатъ во второмъ этажѣ, исправно мебелированный, съ зеркалами, гардинами, вазами; одна комната окнами на улицу, другая, самая пріятная въ жаркое время, тремя окнами и цѣлой стеклянной дверью была обращена въ большую залу съ окнами въ два свѣта, съ хорами, служащую зимою танцевальною залою для дворянскаго собранія, а лѣтомъ театромъ для оперы, наѣзжающей сюда изъ Ростова. Столъ не дуренъ; порціи по 25 коп., сер.; но нѣтъ въ блюдахъ ни изящества, ни разнообразія. Напримѣръ, лѣтомъ супъ съ курицей или щи съ бараниной, баранина жареная и цыплята; о салатѣ и не упоминается, и дальше этого „меню“—ни шагу. Прислуга сносная.

— Нельзя ли спросить въ буфетѣ краснаго вина, столоваго?

— Какого прикажете: *натурально* или ренскаго?

Вотъ и задача для новичка! Да почему же рейнское вино ненатуральное? или ужъ черезчуръ наивенъ слуга, въ родѣ

того еврейчика въ польскомъ городкѣ, который на спросъ въ лавкѣ объ его отцѣ отвѣчалъ: онъ тамъ въ погребѣ, мадеру дѣлаеть...

— Какое жь это у васъ ненатуральное вино?

— Да такъ-съ ужь называется. Одно натуральное, а другое-съ просто вино.

— Значить, натуральное вино у васъ донское, а просто вино заграничное?

— Никакъ нѣтъ-съ, какъ можно! и донское вино тоже не всякое натуральное.

Что за притча! часъ отъ часу не легче. Прошу разгадать...

Я продолжалъ смотрѣть съ недоумѣніемъ, что вѣроятно не мало тѣшило, въ свою очередь, моего путеводителя въ царство Вакха.

— Какое жь донское натуральное, а какое нѣтъ?

— Да какъ же-съ! есть вѣдь донское шенпанское, и есть тоже выморозки, и это-съ все ненатуральное. А то есть тоже сандуринское...

— Да натуральное то что жь?

— Да натуральное-съ, оно натуральное и есть, значить, оно не выморозки и никакое иное...

— Такъ принеси, пожалуйста, натурального.

Натуральное красное вино принесено. За бутылку 50 коп. сер. Недешево, въ сравненіи съ Крымомъ. Вино оказалось довольно вкуснымъ: оно сладковато, густо, даетъ мягкій осадокъ. Обнаружилось, впрочемъ, что и это „не натуральное“ вино, въ смыслѣ невымороженнаго, а просто еще неготовое, неперебродившее, называемое на Кавказѣ чихиремъ. Такое вино досталось, говорятъ, содержателю гостиницы по 3 р. 50 к. ведро, т. е. менѣе 20 коп. бутылка, стало быть приносить ему недурной доходъ. „Почему какъ мы на винѣ собственно и выходимъ“, пояснилъ трактирный слуга, и тутъ же, злодѣй, лукаво улыбнулся на спросъ мною чернаго хлѣба къ обѣду.—„Да это-съ здѣсь только прохожіе солдаты и косари употребляютъ.“ Однако чернаго хлѣба досталъ.

Городъ занимаетъ цѣлый холмъ, омываемый съ трехъ сторонъ живописно-извивающимися рѣчками Аксаемъ и Тузовымъ. Открытое нагорное положеніе дѣлаеть климатъ его нѣсколько суровымъ. Отдаленіе же отъ судоходнаго Дона главнѣйшая причина, почему торговое городское сословіе не любитъ Ново-

черкаскъ. Онъ основанъ въ 1805 году войсковымъ атаманомъ графомъ М. И. Платовымъ; въ 1837 году, послѣ посѣщенія Земли Войска Донскаго покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, за Новочеркасскомъ утверждено значеніе областного города, а донцы все-таки не оставляютъ своей любимой мечты о перенесеніи этого города въ Аксайскую станицу. Теперь въ Новочеркасскѣ 20,000 жителей. Городъ новый; наружность его ближе всего сходствуетъ съ лучшими изъ южныхъ городовъ Новороссійскаго края, каковы Керчь, Севастополь, отчасти Одесса и проч., т. е. въ Новочеркасскѣ прямыя, широкія улицы, домовъ каменныхъ не меньше, чѣмъ деревянныхъ, большею частію въ два этажа; въ болѣе красивыхъ постройкахъ видѣнъ оттѣнокъ итальянскаго стиля (какъ въ Одессѣ), отличающагося, какъ извѣстно, не столько изобиліемъ орнаментовъ, сколько стройностію формъ, широкими окнами въ два квадрата, балконами и галереями кругомъ. Впрочемъ, крыша здѣсь выше, чѣмъ въ настоящихъ южныхъ русскихъ городахъ. Обыкновенно передъ вечеромъ слышится на улицахъ странный, періодически повторяющійся крикъ или взвизгиваніе (и-аа-ууѣ): оно начинается съ рѣзкой поднѣбной ноты, протяжно переходитъ черезъ самую басовую и оканчивается поднѣбнымъ ууу. Такъ кричать, бродя по улицамъ, оборванныя старухи. Съ перваго раза готовъ принять ихъ за кликушъ, пока не узнаешь, что это разнощицы продажной воды. На весь городъ около 70 колодцевъ и двѣ криницы (Иловайская и Биржимская); въ первыхъ вода солонцоватая, въ криницахъ же довольно хорошая, но за то она и рѣдкость, такъ что продается (для бѣдныхъ) даже кувшинами. Къ немалому удовольствію всѣхъ живущихъ въ срединѣ города, докучливый визгъ этотъ по утрамъ и вечерамъ теперь, вѣроятно, уже окончился, потому что въ концѣ 1865 года открылось дѣйствіе водопроводовъ, снабдившихъ наконецъ городъ хорошею водою.

Охотникъ до лошадей, пріѣхавъ въ главный городъ коневоднаго края, конечно, не безъ нетерпѣнія ждетъ случая взглянуть на *донскую лошадь*, но съ удивленіемъ видитъ въ экипажахъ лебедянокъ, битюговъ, рысаковъ и половинчатыхъ-огъ-рысистыхъ, словомъ—русскихъ лошадей. Таково обаяніе моды на самолюбивый вкусъ всякаго зажиточнаго донца. Правда, донской степнякъ не коренная лошадь. Но моды завозятся сюда пріѣзжающими на службу русскими, казаками, а еще болѣе

гвардейскими казачьими офицерами, возвращающимися изъ Петербурга, гдѣ они и во фронтѣ не служатъ представителями донскаго коневодства, а ѣздить на русскихъ заводскихъ лошадяхъ. Въ Черкасскѣ можно видѣть отличный сортъ степныхъ казачьихъ (собственно казачьихъ, а не ремонтныхъ) лошадей учебнаго казачьяго полка; но лѣтомъ онѣ за городомъ, на подножномъ корму, въ табунахъ (подивизионно), верста за тридцать въ степи, около Недвитаея, гдѣ лагерь донской артиллеріи. За исключеніемъ же учебнаго полка, донскіе степняки встрѣчаются лишь въ славныхъ почтовыхъ тройкахъ г. Луковкина: отличныя, легкія, сносливыя лошади, но безъ массы, и потому рѣдко изъ нихъ удаются коренники, а всегда пристяжныя. Къ этому предмету мы еще будемъ имѣть случай возвратиться не разъ.

Лѣтомъ, до вечера, какъ сказано, городъ имѣетъ видъ запустѣнія: ни души на бѣлыхъ его улицахъ, раскаленныхъ ослѣпительнымъ южнымъ солнцемъ. Съ семи часовъ появляются экипажи катающихся по городу и мало по малу наполняется главная, почти единственная алея близъ Александровскаго сада (возлѣ атаманскаго дома) гуляющими всѣхъ сословій безъ различія, начиная отъ генерала и до писаря, урядника и простаго казака съ женою. Это поистинѣ замѣчательная особенность казачьяго быта: все тутъ чинно, опрятно и прилично; нижніе чины нисколько не стѣсняются присутствіемъ начальниковъ, ходятъ подъ-руку со своими разряженными женами, сидятъ съ папиросками на садовыхъ скамейкахъ, и каждый изъ нихъ встаетъ для отданія чести своему начальнику только въ первый разъ, а потомъ уже чести не отдаетъ. Полиціи въ саду не видно, и, несмотря на то, не бываетъ примѣровъ нарушенія дисциплины и самаго строгаго приличія.

По воскресеньямъ и четвергамъ играетъ музыка въ павильонѣ, такъ называемый войсковой оркестръ изъ сорока чловѣкъ; кромѣ того, въ саду играютъ полковые трубачи одного изъ двухъ гвардейскихъ казачьихъ полковъ. Передъ павильономъ устроена ротонда съ досчатымъ помостомъ для танцевъ, освѣщаемая въ темные южные лѣтніе вечера разноцвѣтными фонариками. Тутъ, по сосѣдству лѣтняго помѣщенія дворянскаго клуба, бывають танцевальныя вечера (плата по 50 коп. сер. за входъ), почему-то названныя *пикниками*. Въ танцахъ участвуютъ посѣтители изъ всѣхъ сословій. Та же непри-

нужденность, тоже развязность въ присутствіи самыхъ высшихъ начальниковъ мѣстныхъ, и, кромѣ какого-нибудь неудачнаго *па*, ничего неумѣстнаго или непозволительнаго. Прежніе начальники штаба войска не брезгали принимать участіе въ общихъ танцахъ.

Этотъ особый складъ военныхъ собраній, принимающихъ видъ благоустроеннаго общества и неперестающихъ быть военными, соблюдающими дисциплину, это невидимое, неосязаемое отношеніе между военнослужащими невольно наводитъ на размышленіе, невольно спрашиваешь себя: что такое дисциплина воинская? не есть ли это *сознательно доведенное до степени привычки повиновеніе установленнымъ службою обязанностямъ*, разумѣя въ числѣ ихъ и чинопочитаніе (субординацію)? Предоставляю людямъ болѣе меня свѣдущимъ вѣрнѣе оцѣнить такое опредѣленіе. Но, припоминая свои служебныя встрѣчи съ казаками въ прежнее военно-походное время, также и описываемый новый для меня, въ своемъ родѣ, примѣръ, полагаю, что между казаками дисциплина вообще очень недурна сравнительно съ регулярными. У регулярныхъ продолжительность упражненія, привычка составляютъ зиждущую, живительную силу; у казаковъ, какъ у народа безспорно болѣе развитаго, дѣйствуетъ также продолжительность, но, главное, сознаніе и примѣръ старшихъ чиновъ. Чинопочитаніе у казаковъ (на службѣ) между оберъ-офицерами и штабъ-офицерами, штабъ-офицерами и генералами вкоренилось гораздо болѣе, нежели у насъ, регулярныхъ: оно замѣтно даже въ частномъ быту, и еслибъ не проявлялось въ нѣсколько суровой формѣ, то не было бы иногда и въ разрѣзъ со свѣтскими условіями нашего общества. Прекрасенъ, напримѣръ, соблюдаемый понынѣ старинный обычай почтенія къ наказному и войсковому атаманамъ: каждое почти воскресенье, утромъ, всѣ отдѣльные начальники и старшія лица въ городѣ являются съ визитами къ атаману, въ полной парадной формѣ... Военные обычаи поддерживаютъ военные нравы, а чинопочитаніе не важнѣйшій ли изъ существенныхъ обычаевъ военной службы?

Клубовъ въ Черкасскѣ два: дворянскій и купеческій. Зимой и лѣтомъ тамъ часто бываютъ танцевальныя вечера. Внѣ клубовъ городское общество почти нигдѣ не собирается, и здѣсь нѣтъ гостепріимства въ домахъ: кромѣ званныхъ обѣдовъ нѣтъ обычая, какъ въ русскихъ городахъ, навѣщать другъ друга

запросто. Въ городѣ всѣ встаютъ очень рано. Обѣды въ церквахъ бываетъ въ семь часовъ. Замѣчательно рано дѣлаются утренніе визиты, именно между восьмымъ и десятымъ часами; притомъ военные—а въ городѣ почти всѣ военные—надѣваютъ для визитовъ мундиръ съ эполетами и орденами (непремѣнно), пашки и кушаки.

Женщины-казачки всѣхъ сословій на Дону наперерывъ щеголяютъ нарядами. Историческій кубелекъ (*), съ принадлежностями, можно встрѣтить развѣ въ самыхъ отдаленныхъ станицахъ; кринолины, одинъ другаго развалистѣе, и шлейфы, неподбираемые при ходьбѣ по улицѣ, исправно сглаживаютъ слѣды ногъ и кучки пыли на мостовыхъ и на *шоссе*. До театральнахъ зрѣлищъ казаки и казачки такіе охотники, что на каждомъ представленіи комедіи, цирка и даже оперы мѣста, особенно болѣе дешевыя, бываютъ полны. Постоянный деревянный театръ перестраивается не за вѣтхостію, а потому, что оказался не довольно помѣстителенъ для публики.

Два предмета особенно достопримѣчательны въ областномъ городѣ войска Донскаго. Первый—это *войсковой кругъ*, ежегодно собираемый четыре раза, на примѣръ въ высокаторжественный день 30-го августа, и, кромѣ того, въ разныхъ важныхъ случаяхъ, при объявленіи высочайшаго манифеста, при возвращеніи атамана изъ С.-Петербурга, и т. п. На площади, передъ соборомъ, въ кругѣ, обставленномъ войсковыми регаліями, при многочисленной свитѣ, состоящей изъ начальника штаба, членовъ войсковаго управления, адъютантовъ, войсковыхъ есауловъ, дворянскихъ депутатовъ, станичныхъ атамановъ, въ присутствіи парада отъ наличныхъ въ городѣ войскъ, войсковой атаманъ обращается къ представителямъ войска съ приличною случаю рѣчью, напоминаетъ имъ о двухвѣковой славѣ и доблестяхъ донцовъ, засвидѣтельствованной подвигами ихъ въ исполненіи воли государя, долга къ престолу и отечеству, отъ покоренія Сибири и Азова до вступленія въ Парижъ, взятія Варшавы, усмиренія Венгріи и проч., за царя, за вѣру и Русь святую, и затѣмъ изъясняетъ имъ причину, почему собранъ войсковой кругъ. Второй предметъ—это *войсковыя регаліи*: такъ называется собраніе грамотъ, дарованныхъ войску государями, начиная отъ Петра Великаго и до Александра II

(*) Верхняя одежда, въ родѣ недавно вышедшаго изъ моды у насъ *saut'en banque*.

Николаевича, также знаменъ, хоругвей, бунчуковъ, перначей, булавъ, наръ и проч., хранимыхъ въ одной изъ залъ войсковаго правленія. Въ недавнее время присоединена къ галереямъ и галерея портретовъ всѣхъ бывшихъ атамановъ войсковыхъ и наказныхъ, также походныхъ и вообще замѣчательныхъ военными подвигами старшихъ чиновъ изъ войска.

Ремесленниковъ изъ казаковъ очень мало. Есть между ними шорники, кузнецы, да парикмахеръ, остроумно и удачно передѣлавшій свою фамилію изъ Степанова въ Stephani, подъ которою и процвѣтаетъ его заведеніе въ Черкасскъ. Всѣ прочіе ремесленники или пришельцы изъ великорусскихъ губерній, преимущественно изъ Воронежской, или нѣмцы. У одного изъ русскихъ каретниковъ, Ар...ча, купивъ сходно колясочный тарантасъ и заказавъ притянуть подъ нимъ, какъ слѣдуетъ, подгерзь (*)—необходимая предосторожность для дальнихъ поѣздокъ—я могъ подумать о поѣздкѣ въ *задонскую степь для содержанія частныхъ табуновъ*, а оттуда въ другую степь, въ такъ называемое калмыцкое кочевье, словомъ—въ тѣ прекрасныя мѣста, про которыя въ Черкасскѣ почти каждый отзывается такъ: „Ну, завезутъ васъ туда, куда Макаръ и телѣтъ не гонялъ“, или: „да что вамъ за nevoia самимъ ѣхать туда? Въдѣ тамъ солнцемъ спалить, а отъ жажды и соленыхъ водъ кожа съ лица сойдетъ“. Такую-то пріятную впереди перспективу представляли мнѣ. Но не даромъ сложились на Руси пословицы, эти афоризмы житейской мудрости; напримѣръ: „славны бубны за горами“ или „не такъ страшень чортъ, какъ его малкуютъ“. И на дѣлѣ вышло, во-первыхъ, далеко все лучше, чѣмъ обѣщалось, а во-вторыхъ изъ многочисленныхъ предрекателей ни одинъ почти не далъ себѣ труда съѣздить въ этотъ отдаленный уголокъ. Судать лишь по преувеличеннымъ отзывамъ.

II.

Чтобы дать понятіе о мѣстонахожденіи и свойствахъ разныхъ коневодныхъ мѣстъ Земли Войска Донскаго, замѣтимъ предварительно, что вообще теченіемъ Дона край раздѣляется

(*) *Подгерзь*—жердь или цѣпь, связывающая передній ходъ тарантаса съ заднимъ подъ грядками, очень важная вещь для дальнихъ степныхъ поѣздокъ. Мало притянуть—онъ недействителенъ; много—тряско. Если деревянный, то тарантасъ трясче, и потому лучше цѣпь: звенчатая дороже, прутчатая дешевле.

на двѣ не совсѣмъ равныя, а главное несимметрическія части. Одна изъ нихъ, лежащая по правому берегу рѣки, называется *нагорною*, а по лѣвому—*луговою*. Дѣйствительно, на первой изъ нихъ какъ возвышенности, такъ и общій уровень мѣстъ по крайней мѣрѣ вдвое выше, нежели возвышенности и общій уровень на второй, хотя и эта не низменность относительно моря. Общую поверхность первой можно назвать *холмистою* (чтобъ не сказать *гористою*), съ подпочвою каменистою подъ черноземомъ, а поверхность второй только *волнистою*, съ подпочвою солонцовато-глинистою, тоже подъ черноземомъ.

Западная граница обѣихъ этихъ большихъ степей начинается верстахъ въ шестидесяти къ востоку отъ Новочеркасса, и простираются онѣ обѣ полосою въ длину около 300, а въ ширину отъ 80 до 150 верстъ. Границами ихъ: съ запада займищныя мѣста рѣки Дона, съ сѣвера теченіе рѣки Сала, съ востока Астраханская губернія, и именно кочевье малодербетевскаго улуса астраханскихъ калмыковъ. Наконецъ, съ юга граница Ставропольской губерніи, кочевье большедербетевскаго калмыцкаго улуса. Продольный, плоско-возвышенный хребетъ, идущій отъ запада къ востоку и раздѣляющій долину Сала отъ долины Маныча, также разграничиваетъ степь кочевья донскихъ калмыковъ отъ войсковой земли, отдаваемой въ аренду частнымъ донскимъ коннозаводчикамъ для содержанія табуновъ. Коннозаводская степь почти во всю свою длину прорѣзана полувыхшимъ (въ лѣтнее время) русломъ рѣчки Маныча—о которой будетъ сказано подробнѣе впоследствии— а въ юго-западной ея части тремя Егорлыками. На этой отдаленной степи отводятся участки (по 12 десятинъ на лошадь), для пастбы табуновъ донскихъ помѣщиковъ, которые сами, впрочемъ, въ степи не живутъ, а имѣютъ поселки (усадыбы) въ разныхъ мѣстахъ и округахъ Донскаго края; въ табунной же степи, оплачиваемой по сіе время по $1\frac{3}{4}$ к. с. въ годъ десятина (по новому проекту предполагается 4 к. десятина) въ войсковые доходы, они имѣютъ только *зимовники*, т. е. родъ небольшихъ хуторовъ, или усадебную осѣдность, для прислуги и хозяйства табуновъ. Степь далека отъ населенныхъ мѣстъ; малолюдные зимовники въ ней разбросаны большею частію не ближе 30 верстъ одинъ отъ другаго; мѣстами она прорѣзана солевозными дорогами (соленый шляхъ), напрямѣръ съ одной стороны отъ Черкасса стараго и новаго и ста-

ницы Манычской, а съ другой отъ станицы Цымлянской, ведущими къ группѣ солеосадочныхъ озеръ, которыя находятся въ юго-восточной оконечности степи, гдѣ она составляетъ продолженіе группы такихъ же озеръ Ставропольской губерніи. Управляется табунная степь особымъ полицеймейстеромъ, подъ названіемъ смотрителя степей, имѣющаго нынѣ двухъ помощниковъ и казачью команду; калмыцкимъ же народомъ (20,000 душъ), подраздѣленнымъ на три улуса: верхній, средній и нижній, по теченію рѣки Сала, составляющіе 13 сотенъ (сотня кочевья соотвѣтствуетъ осѣдой станицѣ), править, по выборамъ отъ донскаго дворянства, калмыцкій судья (судья калмыцкаго народа). Калмыцкое правленіе помѣщается въ слободѣ Ильинкѣ, на границѣ втораго донскаго округа, на рѣкѣ Саль.

До 1813 и 1814 годовъ, когда начали устраиваться первые зимовники, задонская степь была еще менѣе, чѣмъ теперь, знакома большинству жителей Дона. Единственнымъ ея значеніемъ для края было добываніе соли, за которою и ѣздили предприимчивые станичники, какъ на выгодный промыселъ, подобно тому, какъ малороссы ѣздить „чумаковать“ въ Крымъ. Право это даровано донцамъ еще Петромъ I, въ 1708 году посѣтившимъ Донъ и главный городъ Старочеркасскъ. До окончательнаго учрежденія кавказской линіи и Черноморскаго казачьяго войска, поѣздки за солью составляли экспедиціи не совсемъ безопасныя, потому что кубанскіе татары, зная о времени урожая соли, прилежно наблюдали за проѣзжающими и, при малѣйшей оплошности, истребляли ихъ или забирали въ плѣнъ. Въ лѣтописяхъ 1780 года встрѣчаемъ мы приказъ войсковаго атамана Иловайскаго о томъ, чтобы станичные атаманы всѣхъ прибрежныхъ къ Дону станицъ имѣли неослабный надзоръ за переправляющимися на луговую сторону, и въ степь не дозволяли никому отправляться поодинокѣ, но „ватагами“, каждая не менѣе 200 человекъ, изъ которыхъ не менѣе половины въ родѣ конвоя, и притомъ всѣ, какъ конвойные, такъ и подводчики, имѣли бы исправныя ружья и пули; начальствовать же надъ ватагою нарочно выбранному атаману ватажному и подъ нимъ есаулу, которымъ бы всякій подчинялся строго. Въ наше время переѣзды по зимовникамъ почти всегда безопасны. Прімыры грабежей не часты: отбиваютъ преимущественно лошадей, до которыхъ калмыки, какъ донскіе, такъ и дербетевскіе, большіе охотники. Конокрадство, бичъ хозяйства народнаго,

обыкновенное въ двадцати нашихъ губерніяхъ, на Дону просто процвѣтаетъ: не только всякими ухищренными способами уводятъ лошадей поодиночкѣ, но отбиваютъ силою цѣлые косяки изъ табуновъ, а иногда—бывали примѣры—являлись осаждаютъ самый зимовникъ открытою силою. Впрочемъ, по полученнымъ нами послѣднимъ извѣстіямъ, войское начальство уже обратило вниманіе на вредъ, приносимый коневодству конокрадствомъ, и измѣненный вполнѣ съ 1866 года составъ степной полиціи, достаточно усиленной (*), позволяетъ надѣяться, что имущество донскихъ коннозаводчиковъ въ степи будетъ ограждено лучше, чѣмъ прежде.

Въ старину, говорятъ, въ отдаленныхъ по Манычу урочищахъ водились *дикія лошади*, въ видѣ тарпановъ и кулановъ. Обѣзжая въ прошломъ году эти мѣста, мы съ большимъ любопытствомъ старались узнать что-нибудь объ ихъ мѣстонахожденіи, но, судя по общему отзыву, могли только придти къ заключенію, что рассказы о дикихъ лошадяхъ и даже описанія, встрѣчающіяся повременамъ у охотниковъ, напримѣръ, въ статьѣ г. Великосельцева, въ „Земледѣльческой Газетѣ“ 1856 г., нынѣ не болѣе, какъ преданія, сохранившіяся отъ временъ давно-протекшихъ.

При описаніи всякой страны, а не населенной, какова табунная степь, въ особенности, необходимо упоминать о путяхъ сообщенія и о средствахъ къ переѣздамъ по ней. Поэтому считаемъ умѣстнымъ сказать, что, во-первыхъ, для проѣзда по зимовникамъ, въ собственномъ ли экипажѣ — въ видѣ легкаго тарантаса или долгуши—или же на перекладной, по существующимъ постановленіямъ, положено имѣть по тройкѣ упряжныхъ лошадей на зимовникѣ, и для полученія ихъ (прогоны 2½ в. съ лошади на версту) надобно имѣть открытый листъ изъ атаманской канцеляріи; во-вторыхъ, главное направленіе для поѣздки избирать слѣдуетъ предпочтительно по солевозной дорогѣ—тутъ и мосты и переправы исправнѣе—черезъ станицу *Манычскую*, сперва по лѣвую, а послѣ по правую сторону Маныча, до соляныхъ озеръ и урочища Чекалды, съ небольшими уклоненіями въ стороны отъ „солеваго шляха“; или же въ другомъ направленіи, изъ станицы *Цымлянской* или Цымлы на

(*) До сихъ поръ въ распоряженіи смотрителя степей были только три казака и одинъ писарь, на цѣлую трехсотверстную во всѣ стороны степь, окруженную такими соседями, какъ дербетевскіе и донскіе калмыки.

посадъ Ильинку, гдѣ калмыцкое правленіе, и оттуда на югъ версть 70 до большаго лимана манычскаго (*).

Прежде чѣмъ обратимся къ очертаніямъ быта степныхъ табуновъ по Манычу, сдѣлаемъ небольшое отступленіе и скажемъ о замѣчательномъ, историческомъ на Дону мѣстѣ, для котораго на пути въ степь мы сдѣлали также отступленіе, въ сторону, и затѣмъ уже надолго, вмѣстѣ съ читателемъ, разстанемся съ обитаемыми мѣстами Донской Земли.

Недалеко отъ Новочеркаска, внизъ по теченію Дона, а по прямому разстоянію лѣтней дорогой черезъ займище (т. е. разливъ воды, по которому до Новочеркаска плывутъ на лодкахъ) въ пятнадцать верстахъ, на правомъ берегу Дона лежитъ Старочеркасскъ, теперь станица, а прежде (до 1805 г.) областной городъ. Если угодно ознакомиться съ донскою стариною, то ничто лучше этого мѣста и живущихъ въ немъ не можетъ быть представителемъ ея. Протоіерей соборной (девятиглавой, Воскресенія Христова) церкви, отецъ Григорій Левитскій, исторіографъ Старочеркаска, онъ же и основатель тамъ училища, человекъ просвѣщенный и трудолюбивый, съ особенною обязательностію и усердіемъ всегда готовъ посвятить прїѣзжающаго въ интересныя эпохи прежняго существованія войска. У ограды собора сложены стопудовыя желѣзныя ворота города Азова и огромныя желѣзные турецкіе вѣсы, вывезенныя донцами изъ Азова (1643 г.); на паперти собора до сихъ поръ видна придѣланная къ стѣнѣ огромная цѣпь съ ручными и ножными кандалами, которою былъ прикованъ Стенька Разинъ; цѣпь эта, циклопической работы, имѣетъ вѣсу три пуда. Недюжинная же видно натура носила ее на себѣ... Въ соборѣ много рѣдкостей, начиная съ того, что самъ онъ окруженъ, какъ бы футляромъ, вторымъ наружнымъ зданіемъ, смыкающимся подъ ту же кровлю и образующимъ родъ коридора: это закрытый ходъ. Здѣсь-то, подъ защитою каменной стѣны со сводами, совершались крестные ходы въ тѣ небезопасныя времена, когда внѣшніе враги русскаго государства и всего христіанскаго міра имѣли доступъ къ главному городу Дона и могли тѣмъ съ большею вѣроятностію сдѣлать нападеніе, чѣмъ менѣе ихъ ждали. Пятирусный иконостасъ, украшенный изящною рѣзбою, паникадила, иконы, утварь, полныя драгоценныхъ кам-

(*). Прилагаемъ особую карту размѣщенія зимовниковъ, съ обозначеніемъ какъ разстоянія между ними, такъ и относительнаго ихъ положенія.

ней, книги, чаши, воздуха, все это дары и приношенія именитѣйшихъ ревнителей Донскаго края, въ томъ числѣ Петра Великаго и всѣхъ бывшихъ войсковыхъ атамановъ: Ефремовыхъ, Фрола Минаева, В. Орлова, И., В. и А. Иловайскихъ, Краснощочковыхъ, графа Орлова-Денисова и графа М. И. Платова. Съ подробностями какъ содержанія этихъ богатыхъ даровъ церкви, такъ и вообще исторіи края хорошо знакомить статья „Войсковыхъ Донскихъ Вѣдомостей“ 1861 г., написанная отцомъ Григоріемъ Левитскимъ: „Старочеркасскъ и его достопримѣчательности“.

Низменная, поемная (займище) мѣстность Старочеркаска придаетъ ему совершенно особенный характеръ. Половина города пересѣкается воздушными, такъ сказать, улицами или улицами въ два яруса, изъ которыхъ второй какъ бы виситъ въ воздухѣ. На уровнѣ всѣхъ вторыхъ этажей домовъ и домиковъ перекинуты вдоль надъ улицами, прямыми и кривыми, досчатые мостки на козлахъ, съ прямыми и поперечными такими жъ мостиками до дверей каждаго въ сторонѣ стоящаго дома. Можно представить себѣ картину этой донской Венеціи весною, во время разлива Дона, когда въ Новочеркасскъ отсюда ѣздить на лодкахъ, по займищу, а Старочеркасскъ какъ бы плаваетъ въ водѣ. Гладкое зеркало рѣки, въ которомъ отражается цѣлый городъ съ его населеніемъ, должно представлять видъ восхитительный. По зыбкимъ мосткамъ движется весь живой людъ города, а къ периламъ ихъ—что ужъ точно оригинально—тамъ и сямъ привязаны, наподобіе собачекъ, игривые ребятишки, которыхъ, такимъ образомъ, не лишая, свѣжаго воздуха, предохраняютъ отъ паденія въ воду. Въ Старочеркасскѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, настоящихъ, старинныхъ казачьихъ домовъ, деревянныхъ и каменныхъ. Каменные, преимущественно голландской архитектуры, представляютъ модное, въ свое время, подраженіе постройкамъ, введеннымъ Петромъ Великимъ; не голландское только въ нихъ: желѣзныя ставни и деревянные приступки вокругъ дома, подъ окнами обоихъ этажей. Деревянные дома, по большей части на сваяхъ, почти всѣ желтаго цвѣта—„натерты желтою глиною“. Внутренность дома казака, мало-мальски зажиточнаго, нисколько не похожа на крестьянскую избу, ни на русскую, ни на малороссійскую. Напротивъ. Обыкновенно входъ по нѣсколькимъ ступенямъ въ сѣни; изъ нихъ въ маленькую образную комнатку, черезъ эту

въ другія двѣ-три также маленькія свѣтелки, съ довольно большими печами, всегда обклеенныя обоями и убранныя по стѣнамъ картинами, изображающими военныя сцены изъ русскихъ войнъ, портретами генераловъ и фельдмаршаловъ, частію же картинами ландшафтной живописи лучшихъ школъ: англійской, французской, голландской. Послѣднія добыты, очевидно, во время заграничныхъ походовъ отцами и дѣдами нынѣшнихъ домохозяевъ, и, надо отдать справедливость, выбраны не безъ вкуса, знатоками. Вообще казаки любятъ жить привольно и комфортабельно, не стѣсняя себя ни въ жильѣ, ни въ столѣ, хотя живетъ большею частію про себя (*); черного хлѣба не ѣсть, а ѣсть пшеничный, и не любитъ гречневой каши. Почти во всякомъ казачьемъ домѣ самоваръ; чайный же приборъ всегда красуется въ шкапу за стекломъ.

На Дону вообще, а въ Старочеркасскѣ особенно, много старовѣровъ и раскольниковъ — люди гораздо болѣе пріятные на службѣ, нежели въ домашнемъ быту, въ которомъ они несносны своими причудами.

Изъ окрестностей Старочеркаска замѣчательны: монастырскій городокъ, гдѣ теперь училище, верстахъ въ шести ниже станицы, и крѣпостца св. Анны, въ четырехъ верстахъ на западъ. Въ городкѣ убиты, при набѣгѣ турокъ, и похоронены сотни тѣхъ казаковъ, героевъ знаменитаго „азовскаго сидѣнья“, которые возвратились, по сдачѣ Азова туркамъ, на родину, и за увѣчьемъ и лѣтами оставили службу и поселились въ монастырѣ. Послѣ этого происшествія была построена тамъ крѣпость, офиціально писавшаяся ретраншаментомъ, а по-казачьему: „транжаментъ“ (**). Транжаментъ въ 1730 году упраздненъ, и вмѣсто него учреждена крѣпость св. Анны для гарнизона изъ регулярныхъ войскъ, служившаго въ царствованіе Анны Іоанновны чѣмъ-то въ родѣ наблюдательнаго отряда надъ Старочеркаскомъ. Въ 1761 году крѣпость была упразднена, а штатъ ея переведенъ въ крѣпостцу св. Дмитрія, близъ Ростова. Земляныя насыпи крѣпости св. Анны очень хорошо сохранились понынѣ; онѣ представляютъ правильную шестиугольную басті-

(*) Солдаты крѣпко не любятъ, ни походомъ, ни на мѣстѣ, стоянокъ у казаковъ, и всегда предпочитаютъ деревни малороссійскія или русскія. Хозяева-казаковъ постояльцы называютъ зятьями, а крестьянъ тестями, и говорятъ: „зять любить взять, а тесть любить честь“.

(**) Любопытныя свѣдѣнія о бывшемъ „транжаментѣ“ помѣщены въ „Донскіихъ Вѣдомостяхъ“ 1863 года.

онную крѣпостцу полеваго начертанія, съ двумя выѣздами, изъ которыхъ одинъ, западный, прикрытъ рavelиномъ. Строеній внутри никакихъ не осталось, и теперь, вмѣсто гарнизона отъ регулярныхъ войскъ, изрѣдка заглянувшій сюда путешественникъ видитъ все внутреннее пространство, засѣянное огурцами.

III.

Итакъ, мы на пути въ задонскую табунную степь.

Что такое донская лошадь? Случайная ли эта помѣсь, или дѣлая *порода*, въ дѣйствительномъ смыслѣ слова?

Утвердительно можно сказать, что *порода*, потому что семейство или племя донскихъ лошадей имѣетъ свойство воспроизводиться въ потомствѣ со всѣми отличительными свойствами ихъ производителей и одарено силою крови (особенно замѣтно это на маткахъ) въ такой степени, что донской типъ матки проглядываетъ въ приплодъ всегда, съ какимъ бы породистымъ производителемъ она ни была случена. Факты: 1) постоянный приплодъ донскихъ табуновъ, въ которые много разъ попадали весьма кровные жеребцы: арабскіе, персидскіе и проч.; 2) донскія матки покупались тысячами въ помѣщичьи заводы Пензенской, Саратовской, Тамбовской и другихъ губерній; случаемы онѣ были съ заводскими жеребцами, и въ приплодѣ, именно въ головахъ, ногахъ, мускулѣ, всегда оставалось болѣе или менѣ слѣдовъ донскаго происхожденія. Это всѣмъ извѣстно.

Каковъ же отличительный *типъ* донца? Прежде поспѣшимъ оговориться, что есть на Дону порода *старая*, донская, первоначальная, и есть *улучшенная*, новѣйшая порода. Чтобы не смѣшивать понятій, постараемся изобразить и первую, и вторую.

Общій родовой типъ старой донской породы: лошадь небольшая, но и не малая, около одного вершка ростомъ; на довольно высокихъ ногахъ, прямыхъ, крѣпкихъ, сухихъ (*), на твердомъ копытѣ, хотя нерѣдко съ плоскимъ колѣномъ; съ глубокою подпругою (но не кроторебрая), нѣсколько подобраннымъ животомъ (неутробиста), съ довольно высокою, отлогою холкою, отлично прямою спиною и сильною почкою; лопатка и плечо прямые; рамено длинное; задъ довольно округлый и не очень свислый; хвостъ хорошо пристав-

(*) У русскихъ охотниковъ „донская нога“ издавна вошла въ пословицу.

лень, густой, длинный и на ходу отдѣляется; бедро и стегно (окорока) длинны и выпрямлены болѣе, чѣмъ у другихъ азиатскихъ породъ: поѣтому широкій махъ, и конь широко несетъ заднія ноги (если смотрѣть сзади). Лошадь не накатиста, т. е. не низкопереда; шея довольно тонкая и некоротка, длиннѣе, напримѣръ, чѣмъ у калмыцкихъ и киргизскихъ, скорѣе твердая, чѣмъ мягкая, съ кадыкомъ; грива густая, но недлинная; затылокъ короткий, ганапъ тугой, заросшій; голова длинная и хотя довольно сухая, но горбоносая, съ узкимъ лбомъ и близко приставленными, довольно большими самодѣтельными ушами; глазъ небольшой, свѣтлый: печальный взоръ и впалый глазъ, такъ часто замѣчаемый въ простыхъ степныхъ породахъ, не составляетъ типической черты донской лошади, однако кажется иногда такимъ, если лошадь заморена. Спереди, въ плечахъ, донецъ неширокъ, но въ вострецахъ всегда имѣетъ достаточный просторъ. Мускуль не толстъ, но твердъ и жестокъ. Длина лошади обыкновенная, но при нѣкоторой степени пашистости (что вознаграждается, впрочемъ, хорошею связью спины съ задомъ, или почкою) лошадь нерѣдко кажется растянутою. Вообще лошадь „некониста“, какъ говорится, т. е. некрасива.

Изъ сдѣланнаго нами очерка съ натуры, по наблюденію надъ большимъ числомъ лошадей, нетрудно придти къ общему заключенію, что донскую лошадь слѣдуетъ отнести къ разряду *скаковыхъ*, и никакъ не къ упряжнымъ, ибо для этого недостаетъ въ ней главнаго — массы. Она гибка и ловка, потому что, будучи хорошо наѣзжена, дѣлаетъ самые крутые повороты на всемъ скаку; спориста, не требуетъ побужденій при состязаніяхъ и идетъ охотно черезъ препятствія: рвы и изгороди. Махъ ея рѣдокъ, но широкъ. Скорость хорошаго донца на малыхъ разстояніяхъ, конечно, меньше, нежели англійскаго скакуна, однако шестиверстныхъ дистанціи, при вѣсѣ всадника въ четыре пуда, на скачкахъ проходились не разъ въ девять минутъ (англійскіе скакуны въ восемь). На большихъ разстояніяхъ донецъ сносливѣе: на Дону скачутъ по 10, по 15 и до 30 верстѣ. Шагъ очень хорошъ: шесть верстѣ въ часъ обыкновенно, а не въ рѣдкость ходуны и по семи верстѣ въ часъ; но къ хорошей правильной рыси простые донцы мало способны. Сносливость такова, что при хорошемъ сбереженіи служатъ исправно до двадцатилѣтняго возраста. На кормъ неразборчивы, благодаря суровымъ превратностямъ степной жизни.

Масть донскихъ лошадей простыхъ породъ: бурая, рыжія, сѣрая, иногда гнѣдая, караковая (*) и весьма рѣдко вороныя, которыхъ вообще нѣтъ въ азійскихъ породахъ. Шерсть довольно длинна и волосъ не тонокъ. Степная лошадь, привыкшая оберегать себя и своихъ жеребятъ отъ нападенія звѣрей (**), преимущественно въ темныя южныя ночи, постепенно сдѣлалась *чуткою*, *сторожкою* и очень *зоркою*—качества, передаваемые ею въ крови и своему приплоду, вмѣстѣ съ отвагою и *смѣлостію*. Пугливыя между ними очень рѣдки: донская лошадь подъ казакомъ идетъ всегда смѣло впередъ и не закидывается ни передъ препятствіемъ, ни передъ выстрѣлами. Понятлива и памятлива отъ природы, что доказывается многими фактами. *Темпераментъ* преобладаетъ *холерическій*, съ малою примѣсью сангвиническаго, но безъ всякой примѣси нервознаго, ни флегматическаго; нравомъ донцы дѣятельны, сердиты, не щекотливы нисколько ни къ бичу, ни къ шенкелю (отсутствіе нервозности), послушны и терпѣливы. Характеръ: твердый, ровный и довольно горячій, но недовѣрчивый, по крайней мѣрѣ на первое время.

Таковы въ общихъ чертахъ природа и отличительныя свойства степной лошади *старой*, первоначальной породы на Дону, которая сложилась мало по малу на этомъ театрѣ постоянныхъ войнъ, сложилась, безъ сомнѣнія, изъ такихъ же разнородныхъ стихій, какъ и самъ казакъ донской, изъ переселенцевъ и выходцевъ со всѣхъ краевъ Россіи и сосѣднихъ мѣстъ. Въ самомъ дѣлѣ, не упоминая уже о временахъ сарматовъ, гунновъ, печенеговъ, аваровъ, половцевъ, которыхъ кочевое хозяйство едва-ли могло много оставить вліянія на типъ туземной лошади, но относясь прямо къ заселенію станицъ великоруссами, поляками, цыганами, мадьярами (венграми), евреями, татарами, калмыками, запорожцами и т. п. людомъ, стекавшимся сюда лѣтъ триста тому назадъ съ жаждою войны и добычи, а потому и со своими лошадьми, пригодными для рысканія по степи; помня также, что много табуновъ и косяковъ отбивалось и у кубанцевъ, и у турокъ, не должны ли мы

(*) У донцовъ нѣтъ наименованія *караковой* масти, и потому зовутъ ее „темно-гнѣдою“.

(**) Бьетъ преимущественно задомъ. Человѣку, при освоеніи донской лошади, также приходится остерегаться зады; передомъ же и зубомъ хватается она очень рѣдко.

уразумѣть, что очерченный выше типъ военнаго донскаго коня не могъ иначе и сложиться изъ такихъ данныхъ—подъ преобладающимъ вліаніемъ, конечно, тѣхъ породъ, которыхъ больше было по сосѣдству—какъ въ видѣ скакуна степнаго, являющаго собою смѣсь, нѣчто среднее между грубоватою, простою породою лошади русской, разгонной и лошади калмыцкой, и болѣе или менѣе облагороженными семьями лошадей закубанскихъ и нагайскихъ татаръ, турецкихъ и проч., которыя много сходства имѣютъ, особенно въ головахъ, съ *ветерскими* степными. Это смѣсь, сплавленная столѣтіями и закаленная всѣми крайностями степной жизни... Степной конь вѣкъ подъ открытымъ небомъ, на подножномъ корму, то обильномъ, ароматномъ и какъ бальзамъ крѣпительномъ, то съ трудомъ на стужѣ добываемомъ съ помощію твердаго копыта изъ-подъ глубокаго снѣга (*), подъ небомъ, то ласкающимъ теплотою и благоуханіемъ степнаго майскаго дня, то палящимъ 40 градусами зноя, при рояхъ мухъ и оводовъ, а зимою ледяющимъ кожу и дыханіе 30-градусными морозами, при вѣтрѣхъ или при такой гололедицѣ, что лошади скользятъ, падаютъ, а корма изъ-подъ снѣга добыть не могутъ....

(Рисунки 1-й и 2-й.) Для поясненія приведеннаго описанія типа старой донской породы, предлагается здѣсь два портрета лошадей: одной средняго, казачьяго сорта, а другой лучшаго казачьяго офицерскаго сорта. О послѣдней, къ сожалѣнію, приходится сказать, что подобныхъ лошадей на Дону очень мало: ихъ тамъ давно уже считаютъ не табунами и не косяками, и даже не десятками, а единицами, которыя извѣстны наперечетъ. Такъ утратился старинный типъ настоящей боевой казачьей лошади!... Какія административныя мѣры принимались въ разное время, начиная съ 1805 года, войсковыми атаманами для поддержанія славы прежнихъ донскихъ табуновъ, и какъ на этихъ мѣрахъ можно было только убѣдиться, что не отъ правительственныхъ учрежденій, но отъ духа и быта народа зависитъ процвѣтаніе какой бы то ни было отрасли мѣстнаго хозяйства или промышленности, о томъ будетъ говорено ниже.

Здѣсь, въ предварительныхъ очеркахъ, всего умѣстнѣе считаю сказать, что съ начала нынѣшняго столѣтія на Дону мало

(*) Зимою, когда табуны пасется на степи, онъ разсыпается лавою, и каждая лошадь, подаваясь впередъ, роетъ переднею ногою родъ канавы или траншеи, со дна которой и щиплетъ травку.

по малу развилась, рядомъ со старой казачьей, новѣйшая *улучшенная* порода лошадей. Начало ей положено богатѣйшими табунами, съ примѣсью лучшихъ азіятскихъ и европейскихъ кровей, заведенными трудами и средствами атамановъ (войсковыхъ и походныхъ): графа М. И. Платова, Мартынова и Д. И. Иловайскаго. Впослѣдствіи эта порода усовершенствована Василіемъ Дм. Иловайскимъ. Для поддержанія же собственно казачьихъ ремонтвъ, при каждой станицѣ заведены общественныя конно-плодовые табуны, называемыя станичными, и, наконецъ, для доставленія станичнымъ табунамъ хорошихъ плодовыхъ жеребцовъ-производителей, основанъ въ 1844 году *войсковой конскій рассадникъ*, съ 500 матками и 34 жеребцами. Такимъ образомъ, нынѣ все табунное коневодство на Дону представляется въ слѣдующихъ четырехъ отдѣлахъ:

- 1) *Войсковое*, т. е. войсковой конскій рассадникъ.
- 2) *Станичное*, т. е. общественныя станичныя табуны, пасущіеся на юртовыхъ степяхъ 108 станицъ.
- 3) *Частно-владѣльческое*, т. е. 104 табуна на задонской степи, по Манычу.
- 4) *Калмыцкое* — болѣе 150 табуновъ, въ степи калмыцкаго кочевья, по теченію рѣки Сала.

Если присоединить множество отдѣльныхъ косяковъ и небольшихъ заводовъ, содержимыхъ уже болѣе съ хозяйственною дѣлю донскими помѣщиками въ разныхъ округахъ (*), на нагорной (правой) сторонѣ Дона, то получимъ полный перечень всего донскаго коневодства и коннозаводства.

Общепризнанный фактъ, что *коневодство на Дону находитъ въ упадкѣ*, приблизительно выражается слѣдующимъ статистическимъ сравненіемъ:

1) По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, во всей Землѣ Войска Донскаго считалось: въ 1822 году жителей 511,000, лошадей 375,500, слѣдовательно по 70 на 100; въ 1860 году жителей 924,000, лошадей 330,000, слѣдовательно по 34 на 100, изъ чего ясно, что уменьшилась не только относительная цифра, но и безусловная.

(*) Въ отношеніи сельско-хозяйственнаго или заводскаго коневодства, первое мѣсто по количеству занимаетъ Хоперскій, самый сѣверный, округъ: въ немъ на 100 душъ жителей считаютъ 43 лошади; затѣмъ въ пяти прочихъ около 30 и, наконецъ, въ Донецкомъ только по 13. (См. „Матеріалы для географіи и статистики Россіи“, собранныя офицерами генеральнаго штаба. Земля Войска Донскаго. Составилъ Н. Красновъ.)

2) На задонской табунной степи также произошло огромное уменьшение, какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ лошадей. До 1856 года числилось на зимовниковой землѣ 56,000 поголовій, а въ прошломъ 1865 году только 33,000. Главнѣйшими причинами тутъ запрещеніе (въ 1857 году) продавать лошадей за границу (въ Австрію) и извѣстное зимовниковое положеніе, данное въ 1858 году, которымъ воспрещено содержать рогатый скотъ и овецъ на табунной землѣ, между тѣмъ какъ скотоводство, коневодство и овцеводство суть три естественные, отъ сотворенія міра установившіеся вмѣстѣ, вида степнаго хозяйства. Раздѣленіе ихъ между собою физически хотя и возможно, но въ отношеніи хозяйственно-экономическомъ едва ли „игра стоитъ свѣчь“, ибо трудъ и рискъ и увеличенные, чрезъ раздѣленіе усадебъ и управленія, расходы наврядъ-ли вознаграждаются доходами. Самъ навазный атаманъ, при которомъ состоялось это непрактическое насилуваніе надъ степнымъ хозяйствомъ, въ видахъ побужденія къ разведенію болѣе лошадей, не рѣшился его привести буквально въ исполненіе, а въ началѣ прошлаго года, распоряженіемъ управленія ирегулярныхъ войскъ, открыто уже объявлена несостоятельность зимовниковаго положенія 1858 года, взамѣнъ котораго и предложено составить комитетомъ другое. Остается пожелать, чтобы въ комитетѣ этомъ участвовало какъ можно болѣе людей практическихъ, изъ настоящихъ степныхъ коннозаводчиковъ, для того, чтобы новое положеніе составлялось не исключительно съ канцелярской точки зрѣнія и чтобы не вышло „второе зло горше перваго“.

Кромѣ зимовниковаго положенія 1858 года и запрещенія выводить лошадей за границу, отчего перестали пріѣзжать на Донъ австрійскіе ремонтеры (одинъ изъ нихъ, Кальмеръ, года три жилъ въ Новочеркасскѣ) и сбытъ лошадей улучшенныхъ породъ значительно уменьшился, а съ тѣмъ вмѣстѣ осталась монополія барышниковъ, есть и другія причины упадка коневодства на Дону, общія и частныя:

3) *Стремленіе домоховъ къ мирнымъ, осёдлымъ занятіямъ.* А такъ какъ, при постепенности развитія хозяйствъ, первое мѣсто или младенчество принадлежитъ скотоводству, затѣмъ земледѣлю (трехпольному), то, по неизбѣжному порядку вещей въ мірѣ, земледѣліе, въ продолженіе столѣтія развивающееся на Дону, все болѣе и болѣе вытѣсняетъ собою скотоводство и

коневодство. Въ настоящее время, земли въ станичныхъ юртахъ уже оказывается недостаточно для увеличившагося народонаселенія. Но кромѣ земледѣлія немалое число рукъ и капиталовъ затрачиваются еще на винодѣліе, рыболовство, развозку соли и т. п. капиталныя статьи хозяйства.

4) *Объединеніе* многихъ капиталистовъ въ краю, вслѣдствіе раздробленія имущества, прекращенія притока новыхъ состояній и вообще объединенія казачьяго сословія.

5) Учрежденное, 20 лѣтъ тому назадъ, снабженіе станичныхъ табуновъ *казенными жеребцами* изъ войсковаго разсадника, лишило частно-владѣльческіе табуны ежегоднаго сбыта, въ сложности около 100 или 120 жеребцовъ улучшенной донской породы, которые прежде, съ 1805 года, покупались у нихъ для этой цѣли станичными обществами.

6) *Климатическія измѣненія*: болѣе суровыя зимы на Манычѣ, требующія запасовъ сѣна, о которыхъ прежде никогда не помышляли и заготовлять которые нынѣ вольнонаемными косцами весьма не легко въ безлюдной пустынѣ.

Всѣ эти неблагоприятныя для коневодства обстоятельства отразились, съ теченіемъ времени, на общей численности лошадей въ краѣ, какъ указано выше, на улучшенномъ же табунномъ коннозаводствѣ закрытіемъ слишкомъ 20 табуновъ, не такъ давно еще существовавшихъ. Таковы табуны: графа Платова старшаго, князя Голицына, Власова, Барабанщикова, Исаева, Ефремова, Краснощокова, Шамшева, Туровѣрова, Голова, Денисова, Иловайскаго (Алексѣя), Жирова, Иловайскаго (Александра), Иловайскаго (В. О.), Маркова (В. М.), Епифанова, Конькова (В. К.), Кузнецова (ѡ), Колпакова, Карпова (А), Леоновой, Турчанинова.

Въ слѣдующихъ статьяхъ будетъ подробнѣе говорено о состояніи всѣхъ отдѣловъ донскаго коневодства и о желаемыхъ средствахъ къ поддержанію и улучшенію этой важной отрасли хозяйства въ государствѣ. Теперь же, въ заключеніе общаго обзора, даемъ мѣсто нѣсколькимъ мыслямъ относительно тѣхъ существенныхъ улучшеній, которыхъ необходимо было бы достигнуть какъ въ простой казачьей, такъ и въ улучшенной породахъ.

Прожній чистый типъ донской лошади, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, весьма измѣнился въ массѣ, такъ что встрѣтить его можно лишь въ небольшомъ числѣ табуновъ. Но из-

мѣнился онъ не потому, чтобы всѣ коннозаводчики предпочли ему другой, болѣе соответствующій избранной и опредѣленной цѣли. Напротивъ, опредѣленной цѣли не было никакой, по крайней мѣрѣ у большинства. Породы перемѣшались по волѣ случая; лошади выводились на удачу. Вотъ почему очень часто, въ одномъ и томъ же табунѣ, можно видѣть лошадей съ формами регулярной кавалеріи легкой и даже тяжелой, другихъ годныхъ подъ сѣдло для казачьей службы, тутъ же упряжныхъ и высшаго и низшаго достоинства, и, наконецъ, всегда и вездѣ часть лошадей никуда негодныхъ. Раздѣленіе подобныхъ табуновъ на сорта, разсортировка и очистка отъ всего негоднаго должны послужить первымъ шагомъ къ улучшенію дѣла. Затѣмъ уже въ каждомъ сортѣ можно улучшать породу посредствомъ подбора для него болѣе породистыхъ производителей, руководствуясь однакожъ правиломъ, чтобы плодовой жеребецъ всегда былъ нѣсколько высшей крови, нежели матка (хотя безъ рѣзкихъ противоположностей), и чтобы матки поступали въ косяки не моложе четырехлѣтнаго возраста, а жеребцы не моложе пятилѣтнаго. Матки донскія отличаются особою силою крови, и потому жеребцы азіятской, весьма сильной также крови, должны быть избираемы для улучшенія по преимуществу: въ этомъ мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе большинства донскихъ заводчиковъ.

Основной типъ донской лошади—скаунъ. Существуетъ, и весьма распространено, мнѣніе, будто скауномъ можетъ быть только лошадь съ тщедушными формами, предполагая, что это именно и есть признакъ легкости. Напрасно же думаютъ, будто нѣтъ разницы между жиромъ и мясомъ. Жиръ, дѣйствительно, лишнее бремя для скакуна, но мясо есть мускуль, мышца; въ немъ вся сила движенія, при надлежащей пропорціи въ кости, точно такъ же, какъ въ емкости груди, слѣдовательно въ длинѣ ребра, богатство дыханія, источникъ движенія. Желательно, чтобъ на предразсудокъ о преимуществахъ поджараго скакуна обратили болѣе близкое вниманіе на Дону, и начали бы производить побольше лошадей не безъ живота, могучихъ и видомъ, и внутреннимъ содержаніемъ.

IV.

Что касается нынѣ существующей на Дону *улучшенной породы*, представители которой встрѣчаются въ половинномъ числѣ

всѣхъ табуновъ на задонской и калмыцкой степяхъ и по наружности весьма немногими, особыми лишь частностями отличаются отъ нашей заводской лошади, то она ведется тамъ уже около 50 лѣтъ, отъ трехъ главныхъ основныхъ улучшенныхъ табуновъ. А именно:

а) Графъ Платовъ (Матвѣй Ивановичъ), будучи еще походнымъ атаманомъ на Кавказѣ, въ царствованіе Екатерины, по порученію главнокомандующаго графа Зубова, пересылая не разъ въ Россію превосходныхъ арабскихъ жеребцовъ для графа Орлова-Чесменскаго, имѣлъ случай приобретать такихъ же и для себя. Кромѣ того, въ 1806 году ему удалось отбить отличный табуны у кубанцевъ.

Такимъ образомъ, легкія закубанскія матки, облагороженныя чистою арабскою кровью, дали приплоды, воспитавшіяся на лучшихъ степныхъ, возвышенныхъ мѣстахъ Донскаго края (въ Міускомъ округѣ, село Большая Крѣпкая) и составившія основаніе первой улучшенной породы на Дону, извѣстной подъ названіемъ *платовской* (тавро на лѣвомъ стегнѣ — лапка птицы дрофы). Одна часть этого табуна досталась по наслѣдству сыну покойнаго атамана, графу Ивану Матвѣевичу, подъ тавромъ *P*; другая часть внучкѣ его, нынѣ супругѣ Н. Т. Грекова, тавро — . Табуны съ тавромъ *P* подраздѣлились на четыре части: одна, подъ тѣмъ же тавромъ, теперь у графа М. И. Платова (внука) на задонской степи; другая, недавно еще принадлежавшая князю Голицыну (*) (супругу внучки атамана), отъ него продана частями: Ѡ. И. Кирсанову, тавро — *£*. М. Маркову, тавро *£*, и подполковнику Персіанову, тавро *P*. На Дону сохраняется преданіе, что знаменитый атаманъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ очень охотно дарилъ своихъ улучшенныхъ лошадей для завода многимъ изъ тѣхъ казаковъ, въ комъ замѣчалъ охоту къ лошадиному дѣлу.

Какъ ни измѣнилась, ни переродилась и ни огрубѣла нынѣ платовская порода, однако въ нѣкоторыхъ табунахъ, напримеръ, въ остаткахъ небольшого табуна подполковника Персіанова, намъ попадались еще лошади совершенно арабскихъ статей и даже природно-бѣлой шерсти.

(*) Князь Голицынъ нѣкоторые косяки своего табуна смѣшалъ съ англійскою кровью. Судя по встрѣтившимся намъ образцамъ этого смѣшенія въ табуны Ѡ. И. Кирсанова, мы можемъ заключить только, что въ приплоды получались лошади тонконогія (чистоватыя ногами) и безъ ровности статей.

б) О такъ называемой *мартыновской* породѣ преданія гласятъ слѣдующее:

Генералъ Мартыновъ, возвращаясь изъ-подъ Данцига (въ 1809 году), вывелъ съ собою изъ-за границы нѣсколько плотныхъ и рослыхъ датскихъ матокъ; у себя на Дону началъ ихъ случать съ жеребцами извѣстной уже тогда въ Россіи орловской верховой породы, которыхъ онъ добывалъ съ завода помѣщика Ртищева (1), отчего и сохранилось понынѣ у табунщиговъ-калмыковъ названіе „артыши“ (т. е. ртищевскіе). Въ приплодѣ получались лошади рослая, статныя, сильныя, видомъ и характеромъ почти тѣ же заводскія наши лошади, но закаленные въ степной жизни. Теперь у самихъ потомковъ генерала Мартынова (2) не сохранилось въ чистотѣ этого прекраснаго племени лошадей: табунъ лѣтъ тридцать, или болѣе тому назадъ, былъ купленъ сосѣднимъ помѣщикомъ (3) Дм. И. Иловайскимъ, отъ котораго по наслѣдству перешелъ къ сыну его, также охотнику и знатоку лошадей, покойному генералъ-лейтенанту Василю Дмитриевичу Иловайскому.

в) Василий Дмитриевичъ Иловайскій, владѣлецъ прекраснаго мартыновскаго табуна рослыхъ, болѣе европейскаго вида лошадей, отличался особымъ вкусомъ къ восточнымъ породамъ. Во время службы своей за Кавказомъ, онъ выводилъ отсюда много персидскихъ и другихъ породъ лошадей; когда же въ 1836 году пріѣхала на Донъ вдова генерала Мадатова, извѣстнаго на Кавказѣ заводчика, и предложила купить заводъ ея мужа, В. Д. Иловайскій воспользовался этимъ случаемъ, приобрѣлъ знаменитый *мадатовскій* заводъ персидскихъ лошадей, взялъ для него зимовникъ у юго-восточной оконечности табунной задонской степи (на Чикалдѣ) и перевелъ туда свой наслѣдственный мартыновскій табунъ изъ Провалья. Съ тѣхъ поръ въ двухъ табунахъ, въ сложности до шести тысячъ поголовій, онъ повелъ съ отличнымъ успѣхомъ двѣ лучшія (кромѣ платовской) на Дону вѣтви улучшенной, акклиматизированной породы, въ одномъ табунѣ мадатовскую, а въ другомъ мартыновскую: первая подъ тавромъ I на лѣвомъ стегнѣ, вторая — I на правомъ. Благодарный Донъ назвалъ такихъ лошадей „Вас. Дм. Иловайскаго“ породой.

(1) Бурской губерніи.

(2) Въ селѣ Голодаевкѣ, Мартыновка тожъ, Міусскаго округа.

(3) Села Дмитриевка и Провалье, того же округа.

Вслѣдствіе подарковъ, продажъ, конокрадства, мало по малу обѣ породы распространились по крайней мѣрѣ въ третьей части донскихъ и калмыцкихъ табуновъ, гдѣ и узнаются эти лошади еще издали: однѣ своими дивными золотистыми рубашками, а другія стройностію нашихъ заводскихъ, русскихъ формъ и ростомъ.

В. Д. Иловайскій скончался въ 1862 году. Табуны его во владѣніи его вдовы, по второму мужу г-жи Новиковой. Въ прошломъ 1865 году въ обоихъ вмѣстѣ считалось уже не болѣе 1,700 поголовій.

Сохранившаяся еще до сихъ поръ, въ усадьбѣ Дмитріевкѣ, В. Д. Иловайскаго тройка сѣрыхъ лошадей, въ сложности 60 лѣтъ, служить живымъ свидѣтельствомъ какъ знаній покойнаго Василія Дмитріевича, такъ и достоинствъ настоящихъ „артышей“: ростомъ вся тройка около 2¹/₂ вершковъ; лошади сухи, густы, круторебры, широкоплечи, массивны по объему и такъ легки и граціозны въ движеніяхъ, что теперь, когда онѣ уже стары, ѣхать на нихъ въ телѣжкѣ—мы это испытали—такъ же легко, плавно, безъ толчковъ и подергиваній, какъ бы въ вагонѣ желѣзной дороги. Нравъ у этихъ лошадей отличный: послушны, вѣрны, но рѣзвы, сносили и съ огнемъ.

Таковы три главные отрасли систематически улучшенной донской породы лошадей. О другихъ, какъ о случайныхъ улучшенияхъ и примѣсахъ, не говоримъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)